

АНТИМАТЕРИЯ

О НЕКОТОРЫХ СТРАТЕГИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЫ
НА ПРИМЕРЕ РОМАНА КИРИЛЛА КУТАЛОВА «АНТИТЕЛА»
(«ИЗДАТЕЛЬСКИЕ РЕШЕНИЯ», 2021)

ИВАН РОДИОНОВ

Поэт, критик. Родился в 1986 году в г. Нотово Волгоградской области. Живет в Намышине. Автор книги «Счетчик. Путеводитель по литературе для продолжающих». Участник «Тавриды-2020» и «Мастерской Захара Прилепина — 2020». Преподает русский язык и литературу.

Перед нами пример достаточно убедительный, наглядный и показательный.

Писатель Кирилл Куталов публиковал отрывки из своего романа на Patreon, прислушивался к советам и мнениям читателей, затем книга вышла уже целиком на платформе Ridero. И пожалуйста — вот она уже в лонг-листе премии «НОС», а также в шорт-листах дополнительных номинаций той же премии. Случай в нашей литиндустрии не самый распространенный, и за автора, в одиночку борющегося за признание и читателя, можно только порадоваться.

Как сделана история? Мастеровито, крепко. Сюжет книги «Анти-тела» — злободневный и схематичный, очевидно-контурный. Ниберпанк-антиутопия. Россия, то ли альтернативное настоящее, то ли не столь отдаленное будущее. Тотальный контроль, повсеместная власть силовиков, нищета и бесправие народа. Недавно было некое Восстание (именно так, с большой буквы). Героические в своей обреченности оппозиционеры. И внезапная пандемия, не щадящая никого.

Герои, у каждого из которых своя сюжетная линия. Предопределенная. Если ушлый пособник режима — значит, поплатится. Если безвредный обыватель — попадет под жернова. Героиня, борющаяся с тоталитаризмом, столь человечна, что пожертвует собой ради непримиримого противника. А для этого самого противника в финале разблокирован путь в духе прозревающего пожарного Брэдбери.

Что еще? Набившее оскомину слово «кинематографичность» уместно здесь как никогда. Перед читателем предстают лихо перетасованные главы-«серии», герои которых чередуются. Заканчиваются такие «серии», как и положено, на самом интересном месте, а начинаются с выпукло выписанной локации-экспозиции; подробнее об этом чуть ниже.

Впрочем, оставим «сторителлинг» и перейдем к тому, как сделана книга. И здесь уже интереснее.

Жаргон и сленг, неформальный и субкультурный, — существовали всегда. Но именно сейчас, под влиянием глобализации, развития интернета, соцсетей и мем-культуры, стало происходить удивительное. Сленг начал терять «узкопрофильность» и становится все более универсальным. Причем не только в плане отношения собственно к носителям языка, что более или менее очевидно (речь блатных или неформалов была скорее кодом для опознавания «своих», тогда как интернет-сленг доступен каждому), но и в плане распределения смысловой нагрузки. Например, значения слов «маруха», «фраер», «аскать» — или совсем недавних «замочить» или «базарить» — совершенно конкретны. А вот популярные в последние несколько лет в интернет-пространстве слова каждый может наполнить своим, индивидуальным содержанием. Иными словами, нишевое уступает дорогу максимально широкому, допускающему бесчисленное количество интерпретаций, и язык приобретает черты игры в символы.

Два примера. Пару лет назад «словом года» в интернете стало прилагательное «токсичный». Это какой? А всякий. Токсичным человеком для кого-то будет человек агрессивный. Для кого-то — шумный. А для кого-то — например, язвительный. То же самое с «токсичными отношениями», или, пардон, «токсичной маскулинностью». Признак становится растяжимым, стремясь к универсальности. Человек, употребляющий слово, вкладывает в него личный смысл.

Но у «токсичного» есть хотя бы одна постоянная коннотация — это качество отрицательное. Вот более свежий пример — сленг-слово «душный» (вариант: существительное «душила»). Тот, с которым некомфортно. Без устойчивой отрицательности понятия: душный — тот, кто не нравится конкретно тебе. Скучный или развязный, слишком бойкий или молчаливый, умник или глупец. Не обязательно злодей. Кто угодно. Все смыслы — твои.

Возникает любопытная ситуация. Слова с узким, явным значением уступают словам универсальным. Конечно, названия, термины, простые предметы и действия остаются прежними — переосмысливаются в основном признани (прилагательные, наречия и проч.). Первое становится фоном, второе — содержанием.

Сназывается все это и на искусстве, и в первую очередь — на литературе. Разумеется, на сленге историю не воздвигнуть (хотя прецеденты, скорее всего, будут).

Как же сделать текст универсальным, удобным для читателя?

Ответ прост: убрать всё якобы виньеточно-необязательное, вычурно-пафосное, а на самом деле — конкретное, слишком индивидуальное. По лекалам «Пиши-сожрачай» и прочих пособий по копирайтингу, а также по заветам курсов сценарного мастерства. Автора-рассказчика с его рецептами космического масштаба — тоже в утиль. Чтоб была голая история с простым — и потому универсальным языком, а декорации можно наполнять деталями или даже экзотикой.

Все вышесказанное не означает, что подобный подход — однозначно плохо. Нет, это прямое отражение времени и его реалий. Язык, как известно, отражает и фиксирует изменения нормы, а не директивно регламентирует ее.

Неудивительно, что успешные современные тексты часто жанрово тяготеют к притче. Или к антиутопии — одно другому несколько не проти-

воречит. Притча всегда многозначительна, а читатель или слушатель должен вынести из нее урок, желательно — свой, личный.

Роман Кирилла Куталова «Антитела» — яркий и не самый дурной образец такого подхода к литературе.

Денорации нажутся конкретными, зримыми: «район Текстильщины», «нурица в пластиковом контейнере», «порноролики с милфами», «заросли борщевика» и др. При этом они знакомы каждому, вызывают стойкие ассоциации — и могут быть заменены схожими по смыслу. Нурицу можно поменять на макарони, милф — на хентай, а изменится ли что-то? В такие денорации можно вчитать что угодно — как, впрочем, и в героев. Тучный близорукий Безухов невозможен — сыграть его Саша Петров не сможет. А вот силовика Охра (тут и ВОХР, и огр, и охра) или нелепого и трогательного Лишнева (накая замечательная, однако, говорящая фамилия — ловно придумано) — номического героя второго плана, дорастающего, как и должно было случиться, до высокого трагизма, — сыграть может каждый.

Нвинтэссенция такого подхода — отважная героиня по имени А. Названная так то ли в честь Замятина, то ли в честь Нафки (оба — мастера именно притчевой формы, кстати). Она — настолько функция, что универсальнее некуда. Отчего же тогда лозунг «Человек — это несоответствие» (или еретик, добавил бы тот же Замятин)? Наоборот же. Максимальное соответствие запросу, наиболее полное попадание в «целевую аудиторию» — как можно более широкую. Чтобы сочувствовать персонажу, он должен быть полым, растяжимым — дабы в нем мог увидеть себя каждый. Ну или почти каждый. Например, читателю достаточно «быть индивидуальностью», не любить всяческую диктатуру и, по классике, выступать (в интернете или хотя бы в глубине души) за все хорошее против всего плохого. Все мы, за редкими исключениями, именно такие.

Это не герои-индивидуальности, не тела из плоти и крови. Это анти-тела, или, извините за оксюморон, бесплотные материи.

Названия в мире «Антител» такие говорящие, что кажется, будто вернулась эпоха классицизма и читателя нужно «просвещать, развлекать». Программа всеобщего учета и слежки называется «системой обнаружения несоответствий». Несогласованный митинг становится «несогласом». Силовики — «кибергвардейцы», они же — «Стальная фаланга». Есть и «министерство противодействия». Обыватели зовутся «физическими», государство — «Распределенной метрополией»... Это не эзопов язык, не игра в двуязычие-двоемыслие. Все это столь очевидно и так впечаталось в культурный код почти любого человека, что кажется, будто все эти слова уже слышал в каком-то ютуб-ролике. Тем более что с ними соседствуют абсолютно обыденные языковые реалии — боты, чипы, киберпсы, бункеры, VPN и так далее.

Ну и еще одно. В топку все, что кажется вычурным. Если редкие тропы, то самые очевидные. Если кто-то посмотрит на кого-то с умилением, то как на щенка или котенка. Или что-то такое: «Рот как мелкой пылью засыпан, пыль сбилась в ком и перекрыла горло» (Почему рот засыпан-то? Потому что подходящее «забит» — однокоренное со «сбилась»?)

Или вот — пример диалога.

— Ты и понятия не имеешь, во что я верил, — говорит Охр. — Молча сиди.

— В крутой рендер. Мы все в это верили.

— А ты во что веришь? В смерть? В вирус?

— В справедливость, — говорит А. — Для таких, как ты, это самое страшное, потому что справедливость для тебя значит расплату. Возмездие. А вирус — только средство. Просто на этот раз средство сильнее, чем раньше, и никакие псы вам уже не помогут. И дроны не помогут, и ничего не поможет.

Жанр, язык и время нашли друг друга.

Нирилл Нуталов в интервью говорит о Сорокине, но на ум здесь приходит, конечно, другой писатель — Дмитрий Глуховский. И его история успеха. С книгами-бестселлерами, играми и экранизациями. И с печальными, разводящими руками критиками с их стенаниями о шаблонности и бедном языке. Схожая, как сейчас говорят, стратегия.

Думается, вероятность того, что следующую книгу Нуталова тоже экранизируют, достаточно велика. Он — профессионал, общественные запросы чувствует, с потенциальными читателями взаимодействует замечательно.

Скорее всего, это будет сериал.

А в рецензиях на его будущую книгу будут встречаться слова «продвижение», «диктатура», «нейс», «инфопоток», «контент», «свобода» и «антуальность».

